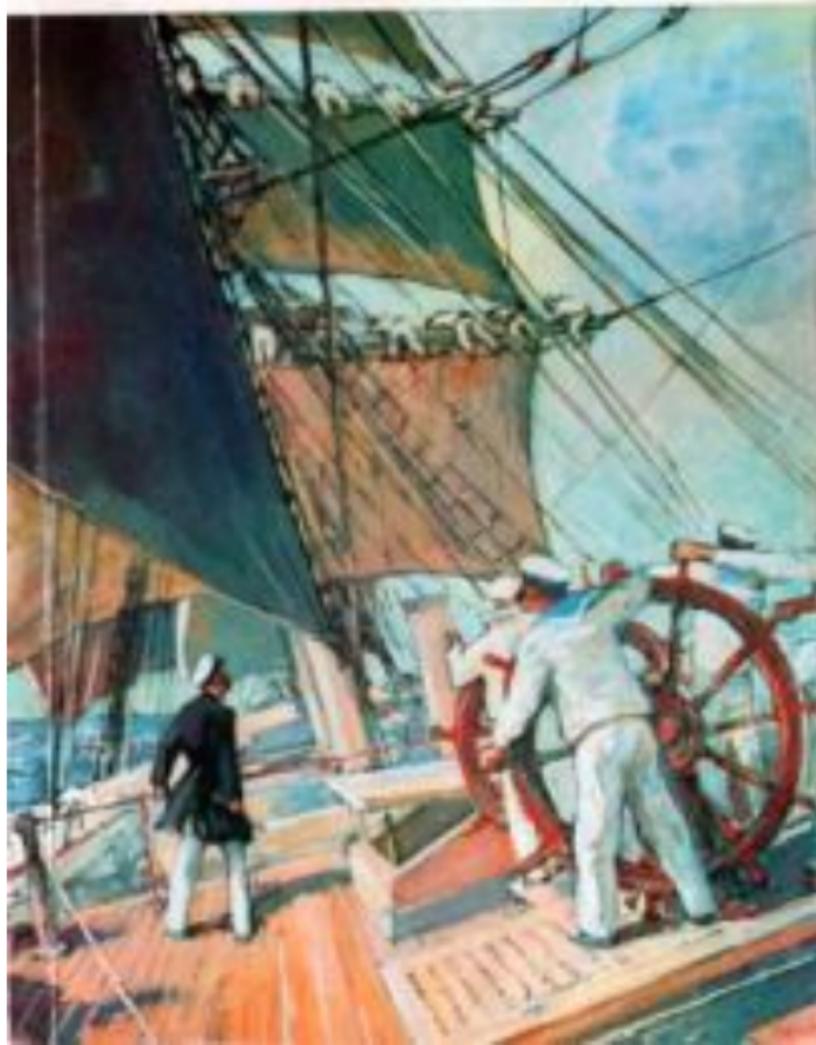

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

К.М.Станюкович. «Морские рассказы» //Издательство «Художественная литература», Москва, 1986
FB2: "Ustas ", 2006-07-02, version 1.0
UUID: 476C295C-618B-4502-B2E4-B455D5CBC137
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

На «Чайке»
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0015
III.....	.0020
IV.....	.0025
V.....	.0033
VI.....	.0036
VII.....	.0040

**Константин Михайлович
Станюкович
На «Чайке»**

На большом, хорошо прикрепленном к полу диване в капитанской каюте, освещенной висячей, раскачивавшейся лампой, спал, слегка похрапывая, Павел Львович Озерский, командир клипера «Чайка», пожилой, смуглый брюнет с черными, сильно заседевшими баками и усами.

Он спал одетый в короткий, старенький буршлат (пальто) с штаб-офицерскими погонами с двумя звездочками и в высоких сапогах, надетых поверх штанов и перевязанных выше колен ремешками.

Пальто на меху, дождевик, фуражка и зюйдвестка висели на переборке около дивана.

Капитан прилег часа три тому назад здесь, на диване, вместо того чтобы по-настоящему соснуть в спальней, и спал тем беспокойным сном, каким спят моряки во время бурь и непогод, готовый в случае надобности немедленно выскочить наверх.

Должно быть, капитану снился хороший сон, переносивший его в иную обстановку, к

близким людям в далекой России, потому что его волосатое, обыкновенно суровое лицо улыбалось во сне и толстые губы по временам шептали чьи-то уменьшительные имена с необыкновенною нежностью.

Очевидно, он был во сне среди своей семьи, оставленной им два года тому назад в Кронштадте, в уютной квартире, где полы не качаются, где не слышен скрип переборок, где ничто не принайтвлено...

Он был теперь далеко от всего этого, хотя и упирался ногами в кромку дивана, чтобы не упасть на пол.

Качка была сильная. Корму так и дергало. Она то стремительно поднималась вверх, вздрагивая всеми своими членами, точно в судорогах, то низвергалась, и тогда пенившиеся верхушки волн сердито облизывали наглухо задраенные толстые иллюминаторы (окна) капитанской каюты и словно бы говорили, что всего несколько дюймов отделяют пловцов от верной смерти в бушующем море.

Сильный удар волны в бок кормового подзора приподнял корму боком. Она на весу вздрогнула порывистее. Каютные переборки

заскрипели сильнее. В соседней буфетной что-то грохнуло.

И капитан мгновенно проснулся.

Проснулся и, вскочив с дивана, присел, упираясь ногами в ножку стола, и первое мгновение, казалось, был еще под чарами сновидения.

Но в следующую же секунду эти чары исчезли.

Небольшие и опухшие, с красными веками глаза уже тревожно сверкали резким металлическим блеском, словно у испугнутого волка, почуявшего опасность.

И капитан, весь насторожившийся, прислушивался к доносившемуся сквозь закрытый люк глухому гулу ветра и свисту его в снастях.

Выражение напряженной тревоги исчезло с его бледного, истомленного лица с морщинами на высоком лбу.

Корма по-прежнему поднималась и опускалась с стремительной правильностью. Переборки скрипели с однообразной, раздражающей певучестью. В доносившемся сверху гуле не было ничего угрожающего.

«На руле зевнули, подлецы!» — решил капитан и достал из кармана теплого вязаного жилета часы.

— Третий час! — проговорил он и, казалось, еще более успокоился, так как с полуночи до четырех на вахте стоял лейтенант Адрианов, исправный, хороший офицер, на которого капитан полагался.

— Рябка! — крикнул во все горло капитан.

— Есть! — донесся из-за дверей громкий басок.

И вслед за тем в каюту вошел, балансируя на уходившем из-под ног полу, небольшого роста, коренастый вестовой с заспанным, пучеглазым и довольно продувным лицом, человек лет за тридцать, и остановился у стола, придерживаясь за него рукой, чтобы не упасть.

— Кипяток есть?

— В готовности, вашескобродие!

— Медведя!

— Есть, вашескобродие!

И вестовой хотел было уйти, выписывая ногами мыслете, чтобы готовить «медведя», до которого и сам был охотник, как капитан

сказал:

— Двери открой. Жарко. Верно, жарил, пока я спал?

— И вовсе пронзительная погода, вашескобродие! Подложил маленько! — докладывал Рябка, указывая пальцем на маленькую железную, раскаленную докрасна печку, стоявшую недалеко от дверей.

— Скотина! Когда ты поумнеешь?

— Не могу знать, вашескобродие! — с напускною простоватостью отвечал Рябка.

— То-то... нажарил, дурак!.. А что у тебя там грохнуло, а? Опять что-нибудь разбито?

— А графин, вашескобродие, упал из гнезда! — проговорил виновато, моргая глазами, вестовой.

— Из гнезда?.. Я вот тебе гнездо на роже сделаю, если еще из гнезда что-нибудь упадет... Понял?

— Понял, вашескобродие!

— Ступай и живо медведя... Да поумней, смотри!

— Есть! — отвечал Рябкин.

И, благополучно выбравшись из каюты, шепнул себе под нос:

— Ты-то у меня очень умен, скажи пожалуиста! Только и есть ума, что ругаться!

Произнес он эти слова без злобы, а больше из зубоскальства. Рябка вот уже четвертый год как «околачивался», по его выражению, в вестовых и доволен был своим положением, находя, что вестовым быть куда лучше, чем строевым, «форменным», матросом. Трудное, полное опасности матросское дело не по душе было трусоватому Рябке. В вестовых куда покойнее. Ни трудной работы, ни лупцовки от боцманов, ни порки. Знай себе одного капитана. А к нему Рябка приспособился за четыре года и находил, что с таким капитаном еще жить можно, — такие ли еще бывают!

Этот хоть и ругатель, но дрался редко и не зря, по мнению Рябки, и за все четыре года только два раза приказал отодрать его линьками. Ругался он, правда, за всякую малость, а то и так, для своего удовольствия, но зато был, по оценке вестового, больше с виду сердитый и «прост», так как вовсе не замечал, что Рябка таскает и чай, и сахар, и папиросы, и вино, и при съезде на берег даже одевает капитанские сорочки.

«Небось у него всякого припасу много!» — утешал себя вестовой, когда по временам слишком бесцеремонно пользовался капитанским добром и предпочтительно вином.

Он, впрочем, не находил это предосудительным, хотя и считал капитана за доверчивость человеком небольшого ума. Разрешая себе эксплуатировать капитанскую простоту в пределах пользования разными припасами, Рябка никогда и не подумал стащить хотя бы мелкую монетку из капитанского кошелька, считая это форменным воровством.

Минут через пять Рябка уже нес, выделявая довольно хитрые акробатические движения, чтобы не упасть, стакан крепкого черного кофе, на треть разбавленного ромом. Свободная рука служила балансом. Донести благополучно стакан с жидкостью во время отчаянной качки, когда палуба уходила из-под ног, было нелегко.

— Не расплесни, каналья! — строго окрикнул капитан, имея в виду специальную цель: придать большую цепкость ногам вестового.

— Никак нет, вашескобродие! — отвечал вестовой, прижимая к груди обернутый в сал-

фетку стакан и подаваясь всем корпусом вперед, чтобы сохранить равновесие.

Выждав момент, когда корма, опустившись, была на мгновение неподвижна, Рябка быстро сделал несколько шагов «в гору», сунул капитану в руку стакан и хотел было отойти, но в это время корма уже взлетела вверх, и Рябка растянулся, «клюнув носом» палубу.

Капитан пустил по адресу своего вестового одно из тех приветствий, которыми он обыкновенно дарил матросов и в минуты гнева, и в минуты доброго настроения и за художественность и разнообразие выдумки по этой части заслужил у матросов даже кличку «музыканта». Вслед за тем ловким движением руки, державшей и не в такую качку «медведя», он поднес стакан к усам и, отхлебнув треть, довольно крякнул и, усмехаясь, проговорил не без нотки презрения в своем сипловатом голосе:

— А еще матрос!..

И, выпив всего «медведя», капитан протянул вестовому стакан и проговорил:

— Убери, и пальто!

— Есть, вашескобродие!

— Да смотри не растянись опять, как пьяная баба... А еще матрос! — насмешливо повторил капитан.

— Всякий может баланец потерять на такой качке, вашескобродие! — не без досады промолвил Рябка, задетый за живое насмешкой капитана.

— Всякий?! Сучий ты подкидыш, вот кто!..

— Меня никто не подкидывал, вашескобродие! — осторожно возразил Рябка и, выделывая ногами мыслете, благополучно дошел до дверей и, поставив в буфетной стакан, вернулся, чтобы подать своему капитану пальто.

Это нелегкое дело было исполнено довольно удачно, и Рябка не без некоторого удовлетворения проговорил, подавая шарф:

— Зябко, вашескобродие.

Умело ступая своими цепкими морскими ногами, капитан подошел к барометру и, взглянув на него, вышел из каюты.

А Рябка направился в буфетную выпить стакан «медведя». Он одобрял этот напиток не менее, чем капитан, и находил его полезным.

Выпивши стакан и благоразумно поборовши соблазн выпить другой, он улегся в своей крошечной каютке напротив буфетной и моментально захрапел.

Наверху действительно было зябко. Резкий ледяной ветер, свидетельствующий о близости Ледовитого океана, то гудел, то стонал в рангоуте и снастях, надувая марселя в четыре рифа и зарифленный фок, под которыми «Чайка» неслась, раскачиваясь и вздрагивая, узлов по двенадцати, убегая в бакштаг от попутной волны.

Небо черно от нависших туч. Вокруг мрак и непрерывный гул бушующего моря.

Изредка лишь из-за мчавшихся клочковатых облаков вдруг выглядывала полная луна, освещающая своим таинственным серебристым светом холмистое море, несущийся клипер с его мачтами, парусами и палубой и рассыпающиеся у носа алмазные брызги верхушек волн, вкатывающихся на бак, чтобы вылиться в море через шпигаты. И снова мрак ледяной осенней ночи в Охотском море, куда клипер попал из Сан-Франциско, посланный начальником эскадры для крейсерства.

Когда капитан поднялся на мостик, его сразу охватило леденящим холодом после

тепла каюты.

Расставив широко ноги и держась за поручни, капитан стал всматриваться.

Луна в эту минуту выплыла из-за облака.

Капитан воспользовался ее появлением на несколько секунд и взглянул на паруса, на небо, на море.

Взглянул — и на его лице не отразилось беспокойства. Ветер не крепчал.

— Как ход, Александр Васильич?

Лейтенант Адрианов, молодой человек с пригожим, совсем покрасневшим от холода лицом, ответил:

— Десять с половиной узлов, Павел Львович!

— А у вас на руле зевают!.. Эй, Кошкин! — крикнул капитан, перегнувшись через поручни мостика.

— Есть! — отвечал чей-то голос внизу.

— Я тебе покажу, как на руле зевать! А еще старший рулевой...

И, по обыкновению, капитан уснастил свой окрик.

— А к девяти часам и берег должен открыться. Не так ли, Евграф Иваныч? — обра-

тился капитан к маленькой фигурке, одетой в затасканное пальто на беличьем меху, в валенках, с нахлобученной на лоб фуражкой и с шерстяным шарфом, обмотанным вокруг шеи и захватывающим нижнюю часть морщинистого, сухонького лица.

— Должен бы открыться, Павел Львович!.. Но только сами знаете... Наблюдений сегодня не было... Точно не определились. А течение... черт его знает... в Охотском море! — проговорил несколько ворчливым тоном Евграф Иванович, старший штурман на «Чайке».

— Но, во всяком случае, не может быть большой ошибки, Евграф Иваныч, а?.. И берег еще далеко.

— А лучше бы, мне кажется, привести к ветру, да и покачиваться в бейдевинд, вместо того чтобы дуть по десяти с половиною узлов. Береженого и бог бережет, Павел Львович.

— Ну и трусу праздновать нечего, Евграф Иваныч. Не может же нас подать течением на семьдесят миль за день.

— Я, Павел Львович, трусу не праздную. Не привык-с, как вам известно.

— Да вы не обижайтесь, Евграф Иванович. Слава богу, знаем друг друга. Немало с вами плавали. А только жаль даром время терять.

— Если бы еще ночь была светлая, что-нибудь видно было... А то...

Облака закрыли недолгую гостью — луну. Внезапно наступившая тьма словно бы докончила слова Евграфа Ивановича.

И под впечатлением этой тьмы, окутавшей со всех сторон быстро несущуюся вперед «Чайку», тревожное настроение, какое бывает от ожидания чего-то неизвестного, жуткого и страшного, невольно охватило и капитана.

Он, казалось, теперь и сам сомневался, как и Евграф Иванович, и в его голове пролетела мысль о возможности налететь на берег. И от этой мысли у него замерло сердце.

— Да... ночь, чтоб ей!.. — сердито проговорил капитан.

— То-то и есть... преподлейшая ночь! — повторил и старый штурман.

И, понимая отлично душевное состояние капитана, прибавил:

— А до света еще далеко. В восемь часов, не раньше, станет светло!

— Да не каркайте, Евграф Иваныч.

— Наше штурманское дело уж такое, Павел Львович, — каркать! — засмеялся Евграф Иваныч.

— Ну ладно... Будь по-вашему. Еще час пробежим, а потом приведем к ветру. Будем ночь на месте валандаться из-за вашего карканья, Евграф Иваныч!.. Ну, а часок я сосну... А вы, Евграф Иваныч, зайдите погреться ко мне. У Рябки «медведь» должен быть! Стакашку глотните. Ишь ведь холод!

Капитан пустил приветствие холоду и отдал вахтенному лейтенанту приказание разбудить себя через час.

— В бейдевинд приведем через час.

— Есть!

— Это Евграф Иваныч накаркал! — сердито проговорил капитан. — Пошли, — прибавил он, спускаясь с мостика.

Они спустились вниз. Перед входом в каюту капитан заглянул в каютку вестового и крикнул:

— Рябка!

Тот вскочил на ноги и протирал сонные еще, бессмысленные глаза.

— Очнулся?

— Точно так, вашескобродие!

— По «медведю» нам. Остался?

— Никак нет. Самая ежели малость нестоящая, вашескобродие!

— Ой, Рябка! Зубы у тебя, видно, все целы, скотина! Зачем мало сварил кофе? Чтобы сию минуту был «медведь»!

— В один секунд! — проговорил вестовой и нырнул в буфетную.

— Присаживайтесь-ка, Евграф Иваныч. Он живо приготовит. Смышленная bestия!

Но Евграф Иванович прежде посмотрел на барометр.

— Поднимается! — баском протянул он и присел на стул около стола.

— И норд-вест, кажется, полегче стал.

Штормягой не пахнет!

— И без того он вроде шторма.

— А главное — ледяной ветер...

Капитан повесил пальто и неожиданно воскликнул:

— И на кой дьявол адмирал турнул нас сюда. Стояли бы себе в Сан-Франциско... Славно там... не правда ли, Евграф Иваныч?

— Собственно, в каком смысле, Павел Львович?

— Во всяком смысле хорошо, Евграф Иваныч. И погода, и насчет провизии, и... ну, одним словом, настоящий порт!.. А то осматривай собачьи дыры в Охотском море.

— Видно, что так, Павел Львович. Вот, бог даст, завтра и Гижигу увидим. Трущобистый городок-с. Я был там двадцать лет тому назад, когда ходил на транспорте «Алеут».

— А из Гижиги в Камчатку... Бобров покупать! — засмеялся капитан.

— Ну, Петропавловск все же лучше Гижиги, Павел Львович.

— Такая же дыра... Рябка! Дьявол! — вдруг гаркнул капитан.

И Рябка уже показался в дверях, делая все-

возможные акробатические усилия, чтобы сохранить равновесие.

— Не пролей, Рябка! Ой, смотри не пролей!

— Не сумлевайтесь, вашескобродие! — храбро отвечал вестовой, хотя душа его и была полна сомнений.

Вероятно, и Евграф Иванович, большой любитель «медведя», который, по его словам, был очень полезен для моряков, как предохранительное средство от всяких болезней, тоже сомневался относительно целости напитка, понимая затруднительное положение вестового, у которого, при изрядной качке, по стакану, обмотанному салфеткой, в каждой руке и ноги не вполне морские.

И старый штурман быстро поднялся со стула. Привыкший за тридцать пять лет службы, из которых по крайней мере пятнадцать провел в море, ходить во всякую качку, он направился к вестовому, благополучно принял от него два стакана, вызвав в Рябке благодарное чувство, благополучно донес их к столу и, передавая один из них капитану, промолвил:

— Так-то оно вернее будет!

И, с видимым наслаждением выцедив ста-

кан, крякнул и с серьезным видом человека, понимающего то, что хвалит, заметил:

— Отличный «медведь», Павел Львович! И в меру разбавлен.

— Да. Эта каналья отлично его готовит! — одобрил и капитан, выпив свой стакан.

«Каналья» довольно улыбался от этого комплимента, стоя у дверей и находя, впрочем, что готовить хорошо «медведя» не особенно трудно — стоит только наполнять ромом никак не менее как полстакана.

— Повторим, Евграф Иваныч?

— Не повредит-с, Павел Львович! — осторожно выразил свое согласие штурман.

Они выпили еще по стакану.

Несколько отогревшийся Евграф Иванович поблагодарил за угощение и, пожелав капитану хорошо соснуть часок, ушел наверх, взглянув, разумеется, по дороге на барометр.

Поднявшись на мостик, он снова стал у компаса, тщетно стараясь что-нибудь увидеть в свой большой бинокль в этом мраке бурной ночи.

— Хоть бы луна показалась! — воркнул он про себя.

Но луна не показывалась, а «Чайка» неслась среди окутывающей ее со всех сторон тьмы.

Капитан, бросившись на диван, как был в теплом пальто, тотчас же захрапел.

Но ненадолго...

Прошло не более четверти часа, как вдруг страшный удар подбросил его, заставив проснуться.

Он мгновенно вскочил с дивана и, внезапно побледневший, бросился вон из каюты.

«Чайка» не двигалась с места. Она со всего хода врезалась на мель.

— Свистать всех наверх! — раздался нервный, тревожный голос вахтенного офицера.

Но и без этого окрика все офицеры и матросы «Чайки» торопливо выбегали на палубу, полные ужаса и отчаяния.

IV

Капитан не потерялся в эти критические минуты.

Напротив!

Сознание опасности, которой подвергались вверенные ему люди и любимый им клипер, словно бы удесятило его энергию, наэлектризовало мужество и изощрило находчивость.

Он взбежал на мостик, готовый или спасти клипер, или погибнуть, испробовав все средства, какие только были возможны.

И, в несколько мгновений оценивший положение «Чайки», беспомощно стоявшей на мели в бурную ночь, он уже наметил себе план действий.

С этой минуты ужас, охвативший его в момент пробуждения, уступил место жажде борьбы и надежде выйти из нее победителем.

Схвативши рупор из рук старшего офицера, выскочившего из своей каюты в одном сюртуке, чтобы распоряжаться авралом, капитан приставил рупор к губам и скомандовал:

— Паруса крепить, и молодцами, ребята! Марсовые, к вантам! По марсам! Бизань и фок на гитовы! Кливера долой!

Его громовой голос звучал властно, покойно и уверенно.

И эта властная уверенность, это крепкое словечко, которое он пустил рулевым, не дали панике охватить людские души, помутив рассудок. И матросы, закаленные строгой морской дисциплиной, без малейшего колебания исполнили команду капитана. Марсовые торопливо подымались в темноте по вантам, чтобы, стоя у реев, убрать марселя, а другие матросы внизу тянули снасти, подбиравшие нижние паруса и убиравшие кливера на носу «Чайки».

В ту же минуту капитан приказал позванному на мостик старшему механику немедленно разводите пары и прибавил с нервной дрожью в голосе:

— Но как можно скорей... Каждая минута...

Он не досказал и, приложив рупор, крикнул наверх во всю мочь своих крепких легких:

— По реям!

Старший механик стремглав бросился в машину и приказал зажигать топки. Машина быстро осветилась огнями ламп и фонарей. Вода уже была в котлах. Топки заряжены углем. Кочегары, взволнованные и бледные, торопливо зажигали уголь растопками и для скорости смачивали их керосином.

А капитан в эту минуту, наклонившись к уху старшего офицера, чтобы ветер не относил тех приказаний, которые он ему торопился отдавать, говорил вздрагивавшей от холода, приземистой, маленькой фигурке старшего офицера:

— Осмотрите трюмы. Нет ли где течи. Если есть, все помпы и пластыри на пробойны. Чтобы гребные суда готовы были к спуску. Унтер-офицеры с топорами у мачт. Приготовиться бросать орудия и другие тяжести за борт. Осветить палубы и наверх фонарей. Распорядитесь!

Капитан говорил быстро, отрывисто и нервно.

И когда отдал приказания, прибавил конфиденциально:

— Плотно врезались... Каков-то грунт!

— Плотно. А не прикажете палить о бедствии?

— Палите, но кто услышит в этой дыре!

Старший офицер ушел исполнять все капитанские распоряжения. Капитан искал глазами на мостике старшего штурмана.

Но его не было. С фонарем в руках он уже делал обмер глубины кругом всего клипера.

Паруса закреплены.

Время от времени клипер, приподнимаемый волнением, бьется о дно, и эти удары производят подавляющее впечатление.

Кажется, что вот-вот клипер треснет пополам.

Старший штурман поднялся на мостик и докладывает капитану, что у передней части клипера глубина двенадцать футов, а у кормы четырнадцать.

— Ну, слава богу... Не очень врезались. А каков грунт?

— Песок.

В сердце капитана надежда растет. И она становится еще больше, когда мичман, посланный старшим офицером, докладывает, что течи нигде нет.

Вдобавок и ветер начинает заметно стихать.

Тем не менее он еще был достаточно крепок, и волны, большие и яростные, со всех сторон нападали на «Чайку» и грозили ее залить. Они уже свободно перекатывались через бак, попадали и с кормы, и матросы крепко держались за протянутые по обеим сторонам судна леера (веревки), чтоб не быть смытыми волнами.

Грянул выстрел, возвещающий о бедствии... По прошествии минуты — другой, третий...

Матросы толпились у грот-мачты, посредине клипера. Слабый свет развешанных фонарей освещал их напряженные серьезные лица. При каждом ударе клипера о дно среди матросов проносился вздох.

И вдруг вкатилась волна, обдала толпу и унесла двух матросов в море.

Капитан это увидал и крикнул:

— Держись, ребята, крепче. Не зевай!

Матросы крестились. Гибель двух товарищей произвела на всех удручающее впечатление. Еще за минуту не терявшие надежды на

спасение, многие теперь были полны отчаяния.

И кто-то сказал:

— Скоро всем помирать, братцы!

Проходивший мимо старший офицер, услышав эти слова, крикнул:

— Вот и глупости говоришь! Видно, что первогодок! К утру сойдем с мели. До утра недолго ждать.

Он проговорил эти слова уверенным тоном, хотя сам далеко не был уверен в том, что говорил. Но он понимал, что паника заразительна, и счел своим долгом подбодрить матросов.

И действительно подбодрил на минуту. В этот момент из-за клочковатой тучи выглянула луна. Красивая и холодная, она осветила бушующее море, покрытое седыми буграми, и сбившуюся толпу людей, и кучку офицеров, и капитана, и штурмана на мостике.

При лунном свете море казалось еще ужаснее и положение беспомощнее.

Капитан и старший штурман направили бинокли вперед, стараясь увидеть берег. Но мгла заволакивала горизонт.

— Видите, Евграф Иваныч, что-нибудь? — спросил капитан.

— Ничего-с!

— Сигнальщик! Видишь берег?

— Никак нет, вашескородие... Одна мгла.

Капитан все еще медлил принимать решительные меры, надеясь сняться с мели, как только будут готовы пары, приказавши дать полный задний ход. Но ранее часа пары не могли быть подняты, а час — целая вечность в таком положении.

А волны продолжали вкатываться, и палуба была покрыта водою. Удары учащались. Клипер шлепался о дно, казалось, с большею силой.

Старший офицер поднялся на мостик и доложил капитану, что все исполнено.

— Да вы пальто бы надели, Николай Николаич! Простудитесь! Ишь ведь, собака погода!

— Надо надеть.

И он послал сигнальщика за пальто.

— Придется баковое орудие за борт! — сердито сказал капитан.

— Да... Иначе не сойдем! — промолвил старший офицер.

— И выбросить все, что можно... чтоб облегчить нос.

— Прикажете?

— Да. Выбрасывайте!..

И капитан крикнул в рупор:

— Баковое орудие за борт...

Боцман Никитич повторил команду и прокричал:

— Вали, ребята, орудия кидать!

Шлепая по воде, матросы побежали на бак, где стояла большая пушка, через которую ходили волны.

— Не подступиться к ей! — сказал кто-то.

— Так волной и смоем...

Тогда один из старых матросов крикнул:

— Не бойтесь, подступимся.

И, обратившись к старшему офицеру, сказал:

— Дозвольте, ваше благородие, обвязаться концом. Я на орудию аркан наброшу.

Мысль была хорошая. Матроса обвязали концом. Он накинул петлю и, отброшенный волной, был удержан веревкой, которую держали матросы.

Работа была нелегкая. Обдаваемые ледяными волнами и обвязанные концами, чтоб не быть сброшенными в море, матросы возились у орудия. Наконец толстые веревки, прикреплявшие пушку к палубе, были отрублены и пушка свалена за борт.

— Прощай, матушка! — крикнул ей вслед тот самый матрос, который первый накидывал на нее петлю.

В то же время другая часть матросов выносила снизу разные запасные вещи рангоута, такелажа, мешки с провизией, бочки с солониной, и все это бросалось за борт.

Мокрые до нитки, иззябшие матросы уходили с бака и жались около грот-мачты и у машинного люка. Но и там их обдавали брызги волн. А пары уже начинали гудеть, и в сердцах моряков пробудилась надежда.

Весь мокрый, старший офицер поднялся на мостик и, доложив капитану, что работы окончены, не без горделивого чувства прибавил:

— Молодцами работали матросики, Павел

Львович!

— Не трусят? Паники нет?

— Нет... Сперва было немного. И то молодые матросы. Да и старикам впору струсить.

Николай Николаевич недаром пользовался уважением и любовью матросов, так как сам любил их и относился к ним с редкой по тогдашним временам гуманностью. Он очень редко прибегал к телесным наказаниям и редко дрался, и то только в минуту служебного гнева, «с пыла», как говорили матросы, и без жестокости.

И матросы, отлично понимавшие начальство, прощали своему старшему офицеру эти вспышки. Они уважали его как хорошего моряка и справедливого человека, а главное, чувствовали, что Николай Николаевич не чужой им и, понимая трудную их службу, бережет их, не изнуряя непосильными работами, не придираясь зря и не гнушаясь иногда поговорить с матросом, сказать ему ласковое слово, обмолвиться шуткой...

И зато как же они старались для своего старшего офицера, которого окрестили прозвищем «Ласкового» за то только, что он обра-

щался с ними по-человечески.

— Да... положение из бамбуковых! — согласился капитан и крикнул в рупор:

— Молодцы, ребята!..

— Рады стараться! — крикнула сотня голо-сов.

— Скоро на вольной воде будем! — продолжал капитан. — Тогда обсушитесь и обогрейтесь. И по чарке велю раздать за меня!

— Покорно благодарим! — раздались голоса.

— Это Ласковый за нас постарался! — заметил какой-то матрос.

— Беспременно он! — подтвердили со всех сторон.

Матросы капитана не особенно любили и все хорошее, что делалось для них на клипсере, всегда приписывали старшему офицеру.

Прошли еще долгих четверть часа, и в это время налетевшая волна смыла капитанский катер, висевший поверх борта, и проломил часть борта.

— Как время, Евграф Иваныч? — нетерпеливо спросил капитан. — За ветром не услышишь, как бьют склянки.

Старший штурман, словно бы закаменевший в неподвижной позе у компаса, расстегнул пальто, достал из кармана вязаного шерстяного жилета свой английский полухронометр и поднес его к освещенному компасу.

— Без пяти четыре! — проговорил он.

— А когда светает?

— В шесть.

— Верно, мы засели в Гижигинской губе?

— Не иначе... Там мелей нет!

И старый штурман показал рукой за корму и надел перчатку.

— А ветер стихает, Евграф Иваныч.

— Стихает. К утру совсем стихнет, я думаю.

— Волнение только подлое.

— Тут, на отмели, подлейшее, а там, в море, ничего.

— Хотел бы я быть там! — вырвался словно бы страстный вопль из груди капитана.

— Бог даст, будем, Павел Львович!

— Вы думаете?

— А то как же! — вымолвил старший штурман, понимавший, как жестоко было бы ответить иначе человеку в положении капитана.

— Скорей бы пары...

В эту самую минуту раздался звонок в машинном телеграфе на мостике.

Капитан приложил ухо к переговорной трубе и услышал нетерпеливо ожидаемые два слова:

— Пары готовы!

— Полный ход назад! — крикнул он в переговорную трубку. — На руле не зевать! Все с бака долой! — командовал капитан.

И сердце его сильно забилося в ожидании: тронется клипер или нет.

Машина застучала. Из трубы вылетал дым и летели искры, быстро уносимые ветром.

Многие матросы крестились. Все замерли в ожидании. И снова показавшаяся луна бесстрастно смотрела на эту кучу людей, для которой решался вопрос жизни или смерти.

Спастись при таком волнении на шлюпках нечего было и думать. Да и близко ли был бе-

рег, этого никто не знал. Кругом клипера было одно бурное море со своим грозным воем.

Прошла минута, другая, третья.

Машина часто и громко отбивала такты. Винт буравил воду. Но «Чайка», словно бы прикованная, но желавшая освободиться от цепей, только вздрагивала, билась о грунт и не двигалась с места.

— Самый полный! — злобно крикнул капитан в машину.

— Есть! Самый полный! — отвечали из машины.

Клипер не двигался...

— Фок-мачту рубить! — бешеным голосом крикнул капитан.

Старший офицер бросился на бак...

Уже занесли топоры...

— Отставить!.. Не надо! — вдруг раздался крик, полный радости и счастья.

И такой же радостный крик вырвался у матросов и пронесся на палубе.

«Чайка» медленно и как бы с трудом отходила назад и через несколько минут пошла быстрее, очутившись на вольной воде.

Минут через десять хода капитан крикнул:

— Стоп, машина!

И когда клипер остановился, командовал:

— Из бухты вон! Отдай якорь!

Раздался звук якорной цепи, якорь грохнул в воду, и «Чайка» остановилась, повернувшись носом против ветра.

— До утра простоим! — весело говорил капитан старшему офицеру. — А теперь велите команде дать по чарке водки, и пусть люди просушатся и обогреются. Да попросите вахтенного офицера раньше восьми часов команду не будить... А я пойду спать! А вы, Евраф Иванович, на минуту зайдите ко мне! — обратился капитан к штурману.

— Слушаю-с.

— А течи нет, Николай Николаевич?

— Нет...

— И отлично... Я спать пошел.

VII

— Эй, Рябка! «Медведя»! — крикнул капитан, входя в каюту. Но Рябка не откликнулся.

— Дьявол... Рябка!

Он заглянул в каюту вестового. Тот крепко спал. Капитан разбудил вестового. Тот вскочил и протирал глаза.

— Спал?

— Спал, вашескобродие!

— И ничего не слышал?

— Никак нет, вашескобродие!

Капитан засмеялся и, обращаясь к штурману, заметил:

— Верно, «медведя» хватил много!

— Надо думать!

— Хватил, Рябка?

— Самую малость, вашескобродие!

— Ну, а теперь изготуви нам, да побольше!

И печку затопи! Присаживайтесь-ка, Евграф Иванович.

Но старый штурман прежде посмотрел на барометр и тогда только присел и весело заметил:

— А барометр поднимается, Павел Львович!